

ФОНД «ЕДИНСТВО ВО ИМЯ РОССИИ»

№ 2 (110)

февраль 2013

СТРАТЕГИЯ РОССИИ

ГЛАВНАЯ ТЕМА

Пространство русского языка

Вячеслав Никонов

1917 год в истории России

Олег Косенко

Угроза ресурсам развития

Константин Соловьев

Подготовка кадров: проблемы информации

Анна Лагно

Между Саном и Бугом

Константин Гайворонский

«Предательство» союзников

Виктор Гущин

Победители и побежденные

ДО ВОСТРЕБОВАНИЯ

Алексей Шахматов

Духовное богатство

387

1917 ГОД В ИСТОРИИ РОССИИ

Вячеслав НИКОНОВ

18 декабря 2012 года состоялось ежегодное Общее собрание Российской академии наук. В Год российской истории темой для обсуждения стала «История России: актуальные проблемы и новые решения». Декан факультета государственного управления МГУ, доктор исторических наук Вячеслав НИКОНОВ в своем выступлении, посвященном 1917 году в истории России, в частности, сказал: «Известно, что история не терпит сослагательного наклонения, и нам уже не дано знать, когда и как закончилась бы Первая мировая война, не свершись революция, следствием которой действительно было позорное поражение России и вынужденный унижительный сепаратный Брестский мир. Но мы знаем, как война реально закончилась: Германия капитулировала в ноябре 1918 года. Логично предположить: если бы Россия осталась в числе воюющих стран, если бы были реализованы согласованные стратегические планы союзников, война могла бы кончиться тем же — триумфом Антанты, но только намного раньше и с участием России».

*НИКОНОВ Вячеслав Алексеевич,
первый заместитель председателя Комитета Государственной Думы
по международным делам, декан факультета государственного управления МГУ
им. М.В. Ломоносова, председатель правления фонда «Русский мир», главный
редактор журнала «Стратегия России», доктор исторических наук*

На Земле есть только две страны, которые могут похвастаться пятью столетиями непрерывной суверенной истории — Англия и Россия. Вопреки распространенному заблуждению, наша страна — одна из самых жизнестойких в мире. Лишь четыре раза за всю свою историю — при нашествии монголов, в Смуту, в 1917-м и в 1991 году — она терпела крушения, когда государство дезинтегрировалось, превращалось в поле кровопролитного гражданского противостояния и разграбления внешними силами, прежде чем вновь возродиться как великая держава.

1917 год — крупнейший исторический водораздел, который до сих пор вызывает много эмоций. Одним нравится Февральская революция, как первый прорыв к свободе, свергнувший самодержавие. Другим — революция Октябрьская, как начало создания государства диктатуры пролетариата. Третьи считают 1917 год величайшей катастрофой, обрывом государственности.

Множество объяснений причин. Чаще всего считают, что революция была объективной. Слабая и нищая Россия терпела поражение в Первой мировой войне, ее экономика рухнула, армия развалилась, «тюрьма народов» трещала по швам, людские ресурсы иссякли, свирепствовал голод, недееспособное и неадекватное самодержавное правительство вело страну путем измены, за что буржуазия его и свергла в Феврале, а ее, в свою очередь, в Октябре свергли пролетариат и крестьянство. Все это весьма далеко от истины.

Конечно, революции не происходят на ровном месте. Но объективного в истории вообще очень мало.

Россия не была слабой и нищей. Она не была сверхдержавой. Но была одной из великих держав.

Ее площадь превышала 22,4 млн. квадратных километров (площадь современной Российской Федерации — около 17 млн. квадратных километров). Численность населения страны к началу Первой мировой войны составляла около 170 млн. человек — каждый восьмой на планете. Страна стояла на одном из первых мест в мире по уровню рождаемости, почти половина населения была моложе двадцати лет.

Русское экономическое чудо было реальностью. Промышленное производство с 1860-х годов и вплоть до Первой мировой войны увеличивалось в среднем на 5 процентов в год — выше, чем в странах Западной Европы. По общим показателям индустриального развития Россия оказалась на четвертом месте на планете, ее доля в мировом промышленном производстве составляла 8,2 процента (США — 32, Германии — 14,8, процента, Великобритании — 13,6). Конечно, мы отставали от ведущих держав Запада по качественным хозяйственным параметрам, технологии, уровню жизни, но опережали остальные страны мира.

К 1917 году российский государственный строй не был самодержавным.

Под влиянием революционных выступлений 1905 года Россия получила

конституцию в виде Основных законов 1906 года, политические свободы, двухпалатный парламент. Гарантировались неприкосновенность жилища, частной собственности, право на выбор места жительства, свободный выезд за границу, свобода слова, вероисповедания, печати, собраний, создания союзов. Принципы гражданской свободы были сформулированы достаточно полно, хотя их подкрепление законодательными актами и конкретная практика оставляли желать много лучшего. Настоящим было избирательное право, хотя оно и не было всеобщим: женщины не голосовали, но в начале XX века они не голосовали даже в самых развитых демократиях, как не было новостью в тогдашней демократической практике применение имущественного ценза.

Россия перестала быть абсолютной монархией, главный родовый признак которой заключается в недифференцированности законодательной и исполнительной власти, сосредоточенной в одних руках. Согласно Основным законам, император уже не мог законодательствовать помимо Госдумы и Госсовета и должен был действовать «согласно закону». Столетие назад конституционные монархии делились на парламентарные, в которых исполнительные органы действительно формировались парламентским большинством, и дуалистические, где исполнительная власть сохранялась за монархом и назначаемым им правительством, а законодательная власть принадлежала монарху и избираемому парламенту (как в Германии). Нет никаких сомнений, что по Основным законам 1906 года Российская империя может быть квалифицирована как конституционная дуалистическая монархия.

Николай II был адекватным руководителем.

Царь был умен, высокообразован — он успешно прошел программы университета и Академии Генштаба. Свободно владел несколькими иностранными языками. За обходительными манерами, мягким обращением, граничащим со скромностью и даже робостью, простотой нрава скрывалось упрямое мужество, основанное на глубоких и выстраданных убеждениях. Он проявил это мужество, когда в 1915 году принял на себя командование армией, идя на сознательный риск. Именно август 1915 года стал тем поворотным пунктом, после которого заметно улучшились и результаты работы Ставки, и боеспособность русской армии.

Но царь проявлял нерешительность, когда речь шла о применении силы. И это воспринималось как слабость, а для императора и было слабостью. В России лидеру прощают все, кроме слабости. У Николая были и бесспорные недостатки, из которых на первом месте — неумение глубоко разбираться в людях и опасение делать ставку на сильные личности, представлявшие весь срез элиты. Безусловным недостатком Николая, который в какой-то момент окажется едва ли не самым существенным, был его мистицизм.

Царь не был противником перемен. Николай провел больше реформ и больше сделал для модернизации России, чем кто-либо из его предшественников. Но он также понимал, насколько опасно одномоментно разрушать традиционные, сложившиеся органично государственные и общественные институты, особенно в условиях войны.

Буржуазия как класс не осуществляла Февральскую революцию, которую часто называют буржуазной.

Торгово-промышленная элита оставалась скорее «классом в себе». Политическая активность бизнеса в России проявилась довольно поздно и по своему размаху уступала активности всех других социальных групп, включая даже дворянство. Во многом это объяснялось тем, что буржуазия не имела опоры в народе, который откровенно ее не любил и не ценил, российская интеллектуальная культура была антибуржуазной в своей основе. Объяснялось это и особенностями бизнеса, который не всегда демонстрировал образцы высокой предпринимательской этики.

Однако предпринимательский класс поучаствовал в лице своих ярких представителей в свержении режима. Павел Рябушинский возмущался, что нужно ездить в Петербург «на поклон, как в ханскую ставку» и обещал, что «наша великая страна сумеет пережить свое маленькое правительство». Бизнес принял активное участие в формировании военно-промышленных комитетов, земских и городских союзов (Земгор), взявшихся оказывать всестороннюю помощь фронту. Однако именно эти организации и стали одним из важнейших инструментов дестабилизации императорской власти. Из олигархической среды вышел ряд очень активных революционеров, которые будут готовить заговор по свержению царя, а затем войдут в состав Временного правительства. Прежде всего в этой связи заслуживают быть названными лидер октябристов, представитель крупной банкирской семьи Александр Гучков, богатейший сахарозаводчик Михаил Терещенко, хлопчатобумажный фабрикант Александр Коновалов.

Ведущей социальной группой, приближавшей революцию, явилась интеллигенция.

Конечно, интеллигенция была разной. Но нигде в мире столь большое количество интеллектуалов («мы») так не противопоставляли себя власти («они»), как в России. Распространению подобных настроений способствовала и сама власть, не подпуская интеллигентов к административной деятельности (впрочем, они и сами к этому мало стремились), что превращало их в антисистемную силу. Интеллигенция не думала о том, чтобы улучшить, модернизировать государственный строй, — она стремилась его свергнуть. Прогресс, демократия представлялись не как результат эволюционного развития и реформаторских усилий, а как естественное для человека состояние, стремление, реализации которых мешает только одно — самодержавный строй. Западные абстрактные теории, интересные на Западе только самим философам, в России становились руководством к действию.

Во время войны пораженческие, антиправительственные настроения в интеллигентской среде оказались распространены достаточно широко, многие действительно считали патриотизм прибежищем негодяев. В борьбе за светлые идеалы именно интеллигенция давала целеполагание и наиболее эмоциональные аргументы противникам власти. Именно из нее в основном и складывались все политические партии — от либеральных до экстремистско-террористических.

Пролетариат в революции выполнил в основном роль массовки, причем не на главной сцене.

Из-за неразвитости городов рабочий класс был немногочисленным и представлял в массе своей скорее разновидность крестьянства, в основном не порвавшего связи с землей. В начале войны, как и весь народ, рабочий класс испытал прилив патриотических чувств. Ситуация резко стала меняться в 1916 году, что было связано и с углублением экономических проблем, и с общим изменением морального климата в стране, и с творческой деятельностью Земгора. Главным раздражителем стал рост стоимости жизни. Темпы увеличения заработной платы в 2—3 раза отставали от роста цен на продовольствие, жилье и одежду. Но в целом сил самого рабочего класса было совершенно недостаточно для совершения революции.

Крестьянство проявило в предреволюционную эпоху очевидную пассивность.

Его существовавший политический режим вполне устраивал. Крестьянство с непониманием относилось к идеям политических прав и свобод и отличалось повышенным чувством патриотизма и лояльности православному царю. Деревня связывала свои проблемы исключительно с безземельем. Крестьяне ждали, что со дня на день помазанник Божий на троне проведет равнение всей земли по стране, как это регулярно делалось внутри общин.

Основной причиной растущего недовольства села стало затягивание войны, которая уносила все больше жизней, в России — в основном жизней крестьянских. Количество мобилизованных в армию составит к моменту Октябрьской революции в общей сложности 15,8 млн. человек, из них 12,8 млн. призывались из деревни. Крестьяне начали задавать вопросы о справедливости целей войны, правильности правительственной политики и не всегда находили устраивающие их ответы. Но выступать инициаторами изменения существовавшего государственного строя крестьяне, настроенные в основном крайне консервативно, не могли и не хотели.

В подготовке Февральской революции приняло участие большинство российских политических партий — в спектре от октябристов до большевиков.

Вплоть до революции в стране не сложилось партии, которую хоть с каким-то основанием можно было считать правящей. Лишь октябристы в столыпинские времена претендовали на эту роль, но затем и они оказались в оппозиции. Таким образом, ни одна из партий не проходила испытания на власть, не имела ни малейшего опыта практического государственного управления.

Октябристы во главе с Гучковым перешли к оппозиции режиму под влиянием военных неудач 1915 года. Либералы, ведущими представителями которых были кадеты во главе с профессором истории Павлом Милюковым, изначально выступали оппозиционной силой. Либералы занимали более левые позиции, чем аналогичные группы в Западной Европе: не имели ничего против экспроприации крупных помещичьих имений, государственных и церковных земель.

Немногочисленные левые партии в годы войны радикализировались: народники — эсеры, энесы, трудовики — были крайне малочисленными, чтобы сыграть сколько-либо заметную роль в подготовке Февральской революции, но они сильно вырастут после нее.

Социал-демократы — меньшевики и большевики — оставались единой партией, малочисленной, сверху донизу пронизанной полицейской агентурой. Накануне Февральской революции численность самой боевой социал-демократической группировки — большевиков — не превышала 20 тысяч человек, а их вожди были в эмиграции или ссылке. Ситуация в корне изменится в результате февраля, открывая крайне левым все шансы, которыми они в итоге и воспользуются.

Оппозиция опиралась на государственные и полугосударственные институты, находившиеся в перманентном конфликте с правительством: Государственную думу и самодеятельные организации.

Госдума с первых дней своего создания представляла собой не столько законодательный орган, сколько антиправительственный митинг. IV Дума, с которой Россия встретила революцию, отличалась особой политизацией, поляризацией и оппозиционностью. Центром оппозиции стал прогрессивный блок, объединивший шесть фракций Думы — прогрессивных националистов, центра, земцев-октябристов, Союза 17 октября, прогрессистов и кадетов.

Огромную роль в подготовке Февральской революции сыграли созданные во время войны самодеятельные организации — Всероссийские земский и городской союзы, а также военно-промышленные комитеты. Их руководство сосредоточилось в Москве, которая была центром оппозиционных настроений в отношении официального и бюрократического Санкт-Петербурга. Именно во второй столице, в домах князей Петра и Павла Долгоруковых, Рябушинского, Коновалова, традиционно проходили оппозиционные собрания Земгора, именно здесь была главная твердыня кадетов. И именно председатель Земского союза князь Львов сменит Николая II на посту главы российского государства. Самодеятельные организации насчитывали около 8000 учреждений с сотнями тысяч служащих, которые получали освобождение от военной службы, но носили военного вида форму и были прозваны в народе «земгусарами».

Не менее важным направлением деятельности самодеятельных организаций стало развертывание ими антиправительственного пролетарского движения в виде рабочих групп ВПК во главе с Кузьмой Гвоздевым, который станет инициатором создания Петроградского Совета в первый день Февральской революции.

В земгоровских кругах были составлены еще в 1915 году списки будущего правительства, которые почти полностью совпали с составом первого Временного правительства, возникшего после февраля.

Революция не была результатом развертывания национально-освободительного движения по окраинам «тюрьмы народов».

Первая мировая война показала недостаточность формулы «единой и

неделимой», особенно в условиях, когда австро-германская коалиция предпринимала небезуспешные попытки расчленить Россию, разыгрывая карту национальной самобытности и прав на самоопределение населявших ее народов. Особенно успешно это удавалось делать в Польше, Финляндии, Прибалтике, Украине. Брожение наблюдалось и в других регионах — Закавказье и даже в Средней Азии. Однако до февраля нигде, за исключением Польши, почти полностью оккупированной центральными державами, сепаратистские движения не приняли масштабов, угрожающих целостности государства или прочности ее власти.

В революции сыграли роль внешние силы.

Как и другие воюющие страны, Россия была объектом подковерной дипломатии, подрывных усилий спецслужб, международных пиар-кампаний, финансовых махинаций.

Центральные державы проводили активную подрывную деятельность против России. До войны особую активность проявляла Австро-Венгрия. С началом войны все австрийское хозяйство подрывных действий перешло под руководство Германии, которая поставила эту работу на широкую и систематическую основу в рамках «стратегии апельсиновой корки». То есть расчленить Россию «как апельсин, без ножа и ран, на ее естественные исторические и этнические составные части» — Финляндию, Польшу, Бессарабию, Прибалтику, Украину, Кавказ, Туркестан, которые должны стать независимыми государствами под германским контролем. Наиболее яркой звездой на фоне этого собрания международных авантюристов и организаторов революционного процесса по прошествии почти столетия выглядит Александр (Израиль) Гельфанд, известный также как Парвус. В центре его политической паутины была неправительственная организация в Копенгагене — Институт изучения социальных последствий войны. Гельфанд вошел в историю прежде всего как спонсор Ленина и большевиков, но спонсировал он не только их.

Вклад в нарастание революционных тенденций внесли и союзники России. Их политика в отношении России была, как минимум, трехслойной. На первом, высшем уровне, где взаимодействовали главы государств, уровень доверительности был высок. На втором — элитном — уровне к России относились плохо, считая ее диктатурой, а русских — полуварварским племенем. Отсюда — плохая пресса о России и ее руководстве. На третьем уровне — общественно-политическом — осуществлялась поддержка непримиримой оппозиции внутри страны. А когда политика Запада была другой?

Россия не проигрывала в войне.

Страна вооружила, снабдила и выставила на поле боя 60 армейских корпусов вместо тех 35, которыми располагала в начале войны. Численность армии, осенью 1915 года составлявшая 3,5 миллиона, к концу 1916 года достигла семи миллионов. Фронтовые части оставались боеспособными, свидетельством чему был героизм, проявленный в операциях 1916 года — как в наступательных, так и оборонительных. Состоялась авиация как род войск, быстро рос

российский флот. Чувствовать себя обреченными было куда больше оснований у стран Четверного союза во главе с Германией. Уже было ясно, что в войну на стороне Антанты в ближайшее время вступит экономически наиболее сильная страна мира — Соединенные Штаты.

По сравнению с началом войны в 1916-м собственное производство пулеметов выросло в шесть раз, легких орудий — в девять, трехдюймовых снарядов — в 16 раз. За 12 месяцев удалось построить 1050-километровую железнодорожную колею до Мурманска, куда стали поступать внешние поставки. В относительно удовлетворительном состоянии были финансы.

Продовольственные трудности в России были, но имели меньшие масштабы, чем в других воевавших странах и наблюдались только в крупных городах. Голод и экономический коллапс наступят годом позже как результат деятельности постреволюционных правительств.

Наши потери убитыми, умершими от ран и ранеными (5,5 млн. человек) были меньше, чем у Германии (6,05 млн.), сражавшейся на два фронта. Ситуация с людскими ресурсами в России также была лучше. За всю войну у нас было мобилизовано в армию 8,7 процента населения страны, тогда как Великобритании — 10,7, во Франции и Австро-Венгрии — 17, а в Германии — 20,7 процента.

Известно, что история не терпит сослагательного наклонения, и нам уже не дано знать, когда и как закончилась бы Первая мировая война, не свершилась революция, следствием которой действительно было позорное поражение России и вынужденный унижительный сепаратный Брестский мир. Но мы знаем, как война реально закончилась — Германия капитулировала в ноябре 1918 года. Логично предположить: если бы Россия осталась в числе воюющих стран, если бы были реализованы согласованные стратегические планы союзников, война могла бы кончиться тем же — триумфом Антанты, но только намного раньше и с участием России.

Но армия, становясь более многочисленной, лучше вооруженной и управляемой, в то же время теряла в качестве личного состава и моральном духе. Нравы огрубели. Реквизиции — неизбежные спутники любой войны — подрывали понятия о собственности или законности. А самой взрывоопасной была ситуация в запасных батальонах. Особенно много призывников оказалось в столице, где было расположено до двадцати запасных частей численностью около 200 тысяч человек, которым абсолютно не хотелось отправляться на передовую. Именно они выступают главной вооруженной силой революции.

«Прогерманская партия» существовала только в сознании оппозиции.

Из земгоровских кругов вышла широко распространявшаяся по стране концепция «блока черных сил»: германофильской придворной партии, связанной с германской военной аристократией и выступающей за сепаратный мир. Главой немецкой партии объявлялась императрица Александра Федоровна при поддержке Григория Распутина. Эта концепция ляжет в основу идеологии, агитации и пропаганды всех оппозиционных партий и групп. Многие приписывали авторство концепции Гучкову.

Ловкий и бывалый сибирский мужик, который умел блестяще играть на человеческих слабостях и религиозно-мистических струнах, безусловно, пользовался доверием и симпатией Александры Федоровны, в чем едва ли не главную роль сыграла гемофилия наследника, которую Распутин мог лечить. Его имя как символ аморальности власти все активнее поднималось на щит оппозицией. Распутин оказался подлинным проклятием Романовых. Николай весьма скептически относился к советам Друга и к его святости, уважая, однако, чувства жены.

По самоощущению, родному языку, кембриджскому образованию внучка великой английской королевы Виктории никогда не была немкой, она была скорее англичанкой, говорила по-русски или по-английски (реже по-французски), переписку с мужем вела на английском. Женщина деятельная, она была одним из крупнейших организаторов санитарного дела в России. В течение трех лет императрица и ее старшие дочери прослужили сестрами милосердия, причем отнюдь не декоративными. Правда, это мало кто оценил. Темы измены императрицы, правительства и засилья распутинщины, достигая чудовищных размеров, стали важнейшим инструментом разрушения династии.

Власть императора пала жертвой нескольких разрушительных потоков, которые сойдутся в двух точках — на улицах столицы и в Ставке.

Все эти потоки носили форму мало скрывааемых заговоров, которые вынашивались в думских, аристократических, земгоровских и социалистических кругах и уже в полной мере затронули армейскую верхушку.

Первым залпом революции стали выступления Милюкова и ряда других депутатов на открытии сессии Думы 1 ноября 1916 года, где они обвинили руководство страны в измене.

Вокруг трона вовсю плелись заговоры, в которых участвовали даже члены царской фамилии, имевшие целью «спасение монархии от монарха». В ночь с 16 на 17 декабря князь Феликс Юсупов, великий князь Дмитрий и черносотенец Пуришкевич исполнили приговор знати Распутину. В центре одного из них, готовившего отречение Николая в пользу наследника Алексея при регентстве брата царя Михаила, был Гучков, опиравшийся на близкие ему армейские круги. Предложенный именно этой группой план свержения Николая II — задержание императорского поезда на дальней станции и принуждение к отречению под воздействием авторитета армии или угрозы силой — технически и будет претворен в жизнь.

О заговорах и нарастании революционных тенденций было известно спецслужбам. Почему же они не смогли предотвратить развития по катастрофическому сценарию? Потому что они создавались для борьбы с революционным движением снизу, а удар по государственности наносился из тех сфер, куда офицерам спецслужб вход был заказан.

Февральское восстание в Петрограде было порождено антиправительственной пропагандой, паническими настроениями и подкреплено бунтом запасных батальонов. Легитимацию перевороту дала Дума.

27 февраля начался бунт запасных частей, приведший к аресту правительства и формированию Временного комитета Думы и Петроградского совета. Возникло знаменитое двоевластие, которое парализовало российский государственный механизм.

Император отрекся под давлением армии.

Николай полагал возможным пресечь восстание силой, однако этот сценарий был фактически саботирован армейской верхушкой. 1 марта в Пскове, где оказался императорский поезд, командующий Северным фронтом Рузский и начальник Генштаба генерал Алексеев уговорили Николая II во имя успешного завершения войны отказаться от подавления восстания, согласиться с созданием ответственного перед Думой правительства. А 2 марта по инициативе Алексеева Рузскому стали поступать телеграммы от командующего Юго-Западным фронтом генерала Брусилова, Западным фронтом — генерала Эверта, Кавказским фронтом — великого князя Николая Николаевича, Румынским фронтом — генерала Сахарова. Все призывали царя принести жертву на алтарь Отечества и отречься. Царь сложил корону к ногам предавшего его армейского руководства, отрекшись в пользу своего брата Михаила. 3 марта по настоянию большинства Временного правительства от престола отрекся и Михаил Романов. Многовековая Российская империя прекратила свое существование.

Временное правительство разрушило российское государство.

Ученые, земские деятели, юристы, промышленники неплохо разбирались в общеполитических вопросах и парламентской практике, но никто из членов кабинета не обладал ни малейшим опытом административной или государственной работы. Премьер князь Львов был бездеятельным, мягким и благодушным популистом, безгранично верившим в добрую душу народа и испытывавшим отвращение к любому централизованному управлению. В заявлении об образовании Временного правительства вслед за его составом шли «основания» его деятельности, которые почти дословно воспроизводили 8 пунктов, сформулированных Советом. Слабый либеральный кабинет с сомнительной легитимностью был связан необходимостью реализовывать социалистическую программу и мог пользоваться властью лишь с молчаливого согласия энергичных советских лидеров, дожидаясь Учредительного собрания, выборы в которое еще долго даже не будут назначены.

Воевавшей стране, привыкшей на протяжении последнего тысячелетия к централизованной системе власти, была предложена крайняя форма политического либерализма. Действуя в твердом убеждении, что представители прежней власти по определению являются некомпетентными, антинародными и склонными к предательству элементами, Временное правительство в здравом уме и твердой памяти самостоятельно ликвидировало весь государственный аппарат России, оставив потом большевиков с их идеей слома старой государственной машины практически без работы.

Исчезла вертикаль исполнительной власти. 7 марта 1917 года премьер

Львов говорил: «Временное правительство сместило старых губернаторов, а назначать никого не будет. В местах выберут.... Будущее принадлежит народу, явившему в эти исторические дни свой гений». Одновременно повсеместно возникли Советы, воспроизводя ситуацию «двоевластия» на местах. На деле же получалось «многовластие», что тождественно безвластию: административные функции осуществляли подобия комитетов общественной безопасности, куда на равных основаниях входили и Советы, и подновленные органы земского самоуправления, и профсоюзы, и все наличные партии, и общественные организации. Машина местной администрации в России перестала функционировать. Керенский был в ужасе от содеянного: «Огромные пространства страны попали в руки абсолютно неизвестных людей!»

В марте 1917 года Временное правительство полностью уничтожило российскую правоохранительную систему. Были упразднены особые гражданские суды, охранные отделения, отдельный корпус жандармов, железнодорожная полиция, контрразведка. На места были разосланы инструкции о создании отрядов народной милиции под командованием армейских офицеров, выбранных земствами и Советами. Дееспособность такой милиции была нулевой, тем более что в нее в массовом порядке стали записываться криминальные авторитеты, выпущенные на волю в рамках всеобщей политической и уголовной амнистии. Функции охраны порядка все больше приходилось брать на себя вооруженным силам, которые оказались в состоянии прогрессирующего разложения. Ситуацию в армии усугубляло и само Временное правительство, открыто выражавшее недоверие старому генералитету и офицерскому корпусу, и Совет, выпустивший «Приказ №1», который уничтожил армейскую дисциплину, но и заявлявший об общности интереса народов всех воевавших стран к прекращению захватнической политики собственных правительств.

После февраля страна дезинтегрировалась.

На промышленных предприятиях свои порядки стали устанавливать повсеместно возникшие фабзавкомы. Производство дезорганизовалось скачкообразно. Начались серьезные перебои с транспортом, разладилась система распределения. В конце марта правительство установило государственную монополию на торговлю хлебом, предписав крестьянам сдавать зерно по твердым ценам, ввело карточную систему. Крестьяне хлеб придерживали еще больше, на железных дорогах участились грабежи составов с продуктами. Голодные бунты и погромы шли по всей России. Крестьянство повсеместно восприняло революцию прежде всего как начало реализации мечты о «черном переделе». Не в силах собирать налоги, власть прибегла к печатному станку, резко провоцируя инфляцию. В расстройство пришла вся финансовая система.

Страна пошла вразнос. На Дону и на Кубани — казачьи республики, Советы разогнаны. Финляндия провозгласила автономию и требовала вывода русских войск со своей территории. Украинская Рада объявила о включении в свой состав земель юга России чуть не до Урала, приступила к формированию собственной армии и готовила сепаратный мир с Германией.

Кавказ и Сибирь требовали для себя отдельных учредительных собраний. И по всему пространству необъятной страны прокатывались огромные беспорядочные волны дезертиров. Медвежью услугу правительству оказывали союзники, требовавшие от него скорейшего наступления на фронтах и ускоренного внедрения либеральных ценностей в качестве условия поддержки.

Большевики подобрали власть, которая валялась на земле.

Победителями революции оказались большевики, которые принимали в ней весьма скромное участие. В апреле в Петроград из Швейцарии вернулся Владимир Ленин, сразу захвативший воображение массы лозунгами немедленного мира, передела собственности и перерастания революции буржуазно-демократической в социалистическую. К осени у большевиков окажутся преобладающие позиции в Советах, опираясь на которые Ленин объявит себя верховной властью после стремительной операции собственных вооруженных отрядов. Большевики породили надежду на мир и землю, что дало им ту лестницу, по которой они вскарабкались к власти, — армию. Идея экспроприации экспроприаторов нашла более короткий путь к народной душе, чем концепции конституционализма.

По словам Николая Бердяева, «России грозила полная анархия, анархический распад, он был остановлен коммунистической диктатурой, которая нашла лозунги, которым народ согласился подчиниться».

Большевизм воплотил и широко разлившуюся после целого года хаоса потребность в порядке. Оппозиция большевикам оказалась относительно слаба еще и потому, что они имели дело не с функционирующей государственной системой, разрушенной Временным правительством, а с анархией. На первых порах с правительством Ленина почти некому было бороться. Да и никто не спешил бороться, поскольку существовала стойкая уверенность, что большевики — калифы на час и продержатся максимум до Учредительного собрания. Продержались 74 года — до нового крушения в 1991 году.

Еще одной революции страна наша может уже не выдержать.

*Выступление на научной сессии
Общего собрания Российской академии наук,
посвященного Году российской истории*